на меня завели уголовное дело за ограбление магазина. Отпустить в часть нельзя, а на гауптвахту не брали, говорили, что мест нет. На третий день меня забрали в роту… Командир роты простил мне побег, не заковал меня в цепи, не поставил ко мне охрану (так у нас поступают с «лыжниками») и не прикоснулся ко мне даже пальцем. Я думал, у меня все наладится, что смогу служить дальше, но не смог. На второй день моего пребывания в роте я начал метаться, меня тянуло на свободу, и даже, может быть, сбежал бы из роты, если бы не слово, данное капитану, что я больше не побегу, и я его сдержал. Но подошел к замполиту роты и сказал ему, что если меня не посадят на гауптвахту или хотя бы не изолируют, то я при первом же удобном случае слиняю. И он исполнил мою просьбу. В изоляции я пробыл до 9 января. А 10 января уехал в Чечню по собственному желанию…

Я вас очень всех люблю и очень крепко целую. А скучаю так, даже слов нет, одни слезы. …Не забывайте меня, и никуда не обращайтесь. Здесь убивают редко. А меня и подавно не убьют. Меня учили выживать».

Первое письмо из Чечни оказалось последним. Следом пришло извещение о гибели.

О том, как служил и погиб Святослав рассказал старший лейтенант, заместитель командира роты, в которой служил Персидский:

— Слава пришел в наш батальон в середине января, был наводчиком БМП, а мы его переучили на гранатомет. Младший сержант Персидский стал командиром расчета АГС-17 (автоматический станковый гранатомет), у него в подчинении было три человека. В ночь с 5 на 6 февраля его расчет находился на посту по охране батальона. Батальон был на отдыхе, солдаты спали. Внутреннее кольцо охраны, в которое входил и расчет Святослава, оберегало их. Где-то в три часа ночи боевики предприняли отчаянную попытку захватить наши позиции, думая застать батальон врасплох. Но ребята, несущие боевую вахту, не подвели. Они вступили в бой с превосходящим по силе противником, дали возможность батальону подняться по тревоге, подтянуть силы. Слава и его товарищи не струсили, не спрятались в кусты, не схоронились, чтобы спастись самим. Ребята понимали, что, оставив пост, они обрекли бы товарищей на страшную смерть — боевики бы вырезали всех во сне. Слава получил два сквозных проникающих ранения. Смерть наступила мгновенно, спасти его было нельзя. Он погиб, как настоящий мужик, как настоящий солдат. Погиб, спасая других.

Святослав Персидский похоронен в Кодинске.

СУДЬБА

ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА

Ровно полгода назад, 6 февраля, в Чечне погиб парень из нашего города — Святослав Персидский.

9 августа ему бы исполнилось 20 лет.

Именно в этот день вновь избранный Президент России, Борис Ельцин, будет торжественно вступать в должность. Вспомнит ли он в минуты инаугурации о войне в Чечне, о тысячах убитых и покалеченных российских солдатах!

Я ПОНЯЛА, что обязательно напишу о Святославе в день его похорон, когда увидела его фотографию. Юное лицо плыло впереди траурного шествия, мимо запланканных людей, стоящих по обочинам дороги.

Был ветренный февральский день. За гробом солдата шли сотни горожан. Идущая позади меня женщина горестно вопрошала: «Ну за что он погиб! За что!» Мне, уже знавшей подробности гибели Славы (так его называли родные и друзья) хотелось ответить ей — за что заплатил он своей жизнью. Смерть его не была случайной, нелепой, бессмысленной, хотя любая смерть в 19 лет кажется нелепой, вызывает внутренний протест.

Это мнение сформировалось у меня после долгого разговора со старшим лейтенантом, зам. командира роты, в которой служил Персидский. Он, доставивший тело погибшего в родной город, не с чужих слов знал — как погиб Слава.

— Он пришел в наш батальон в середине января, был наводчиком БМП, а мы его переучили на гранатомет. Младший сержант Персидский стал командиром расчета АГС-17 (автоматический станковый гранатомет), у него в подчинении было три человека.

В ночь с 5 на 6 февраля его расчет находился на посту по охране батальона. Батальон был на отдыхе, солдаты спали. Внутреннее кольцо охраны, в которое входил и расчет Святослава, оберегало их.

Где-то в три часа ночи боевики предприняли отчаянную попытку захватить наши позиции, думая застать батальон врасплох. Но ребята, несущие боевую вахту, не подвели. Они вступили в бой с превосходящим по силе противником, дали возможность батальону подняться по тревоге, подтянуть силы. Слава и его товарищи не струсили, не спрятались в кусты, не схоронились, чтобы спастись самим. Ребята понимали, что, оставив пост, они обрекли бы товарищей на страшную смерть — боевики бы вырезали всех во сне. Слава получил два сквозных проникающих ранения. Смерть наступила мгновенно, спасти его было нельзя. Он погиб, как настоящий мужик, как настоящий солдат. Погиб, спасая других.

Все это мне и хотелось рассказать той женщине, не верящей, что в гибели парня был хоть какой-то смысл. И я уже тогда была уверена, что мы с мужем разошлись, стал у нас в семье за главного. Вот мы с ним вместе Славу и воспитывали все время, доставалося ему. Старшие братья учились хорошо, школу закончили, высшее образование получили, а Слава в начале девятого класса из школы ушел и учиться больше не стал, даже в вечерней. То работал, то не работал, а я его пилила, что такой здоровый сидит на моей шее.

Многие его мысли, суждения казались нам странными, мы его придурком обзывали, а он личностью был — как думал, так и говорил. Жаль, что это мы с Олегом только после гибели Славы поняли.

Он в армию идти очень не хотел, даже выписался из квартиры, чтобы военкомат не начал, я написала в часть. Февраля три шел ответ от командира, 10 — письмо от Сл. В нем он сообщил, что получил звание младшего сержанта и отбывает в воинскую часть.

В январе, как гром среди ясного неба — наш сынмовольно покинул воинскую часть. Обратилась в военкомат, в комитет солдатских матерей. Л. М. Забелин добился до Юрги. От него узнали, что 16 декабря Сл. убежал, а 25 его вернули в часть. 10 февраля мы поняли вот это письмо. Галя Габдрашевна подала мне исток, вырванный из ученической тетрадки:

— Он всегда с обвязкой ходил, очень животных любил. Однажды мой сын (он ровесник Славы) принес в дом котенка: «Персик (так ребята звали Персидского) очень просит приютить, а то ведь пропадет.»

МАТЕРИАЛ о добром, хорошем парне из нашего города, героически погибшем на боевом посту, был почти собран. Можно было садиться за очерк, план которого у меня уже довольно отчетливо сложился. Но писать его, не поговорив с матерью погибшего солдата, я не могла. Долго решалась и наконец-то позвонила Галине Габдрашевне Персидской. Она согласилась встретиться.

Разговор наш не оставил камня на камне от сложившейся в моей голове схемы. И я поняла, что писать буду совсем другой материал: о мальчике, ненавидящем насилие, но вынужденном добровольно отправиться на войну в Чечню.

Я ПОСТУЧАЛА. Дверь приоткрылась. На меня умными, грустными глазами смотрела огромная овчарка.

— Не бойтесь, это наш Рекс, собака Славы. Он такой же добрый, как и его хозяин и глаза у него такие же — всегда грустные. Не стесняйтесь, проходите, — дружелюбно встретила меня хозяйка. Овчарка отошла от двери, дала мне пройти. Несколько минут внимательно разглядывала и, видимо, решила, что опасности для хозяев я не представляю, скромно улеглась в сторонке.

— Слава о собаке всегда мечтал. Игорь, мой старший, ему купил щенка за 50 рублей. Видите, какая овчарка выросла. Мы даже ее сфотографировали, чтобы в армию Славе отправить, он просил. Да только не успел получить... Переживал Рекс своего хозяина.

Он у нас все понимает. Реву, он смотрит на меня, в глаза — тоска. Перестану плакать — вздохнет тяжело, горько так...

В скромной двухкомнатной квартире живут теперь втроем: мама Славы, его брат Олег и Рекс. В большой шел. Постоянно просил «откуплить» его, сделать что-нибудь, чтобы в [illegible]

«Привет из Чечни!

делать, ведь на меня завели уголовное дело за ограбление магазина. Отпустить в часть нельзя, а на гауптвахту не брали, говорили, что мест нет. На третий день меня забрали в роту. Предварительно отвели в психушку, но там мест не оказалось, и с грустными физиономиями повели в роту. Командир роты простил мне побег, не заковал меня в цепи, не поставил ко мне охрану (так у нас поступают с лыжниками) и не прикоснулся ко мне даже пальцем. Я думал, у меня все нладится, что смогу служить дальше, но не смог. На второй день моего пребывания в роте я начал метаться, меня тянуло на свободу, и даже, может быть, сбежал бы из роты, если бы не слово, данное капитану, что я больше не побегу, и я его сдержал. Но подошел к замполиту роты и сказал ему, что если меня не посадят на гауптвахту или хотя бы не изолируют, то я при первом же удобном случае слиняю. И он исполнил мою просьбу. В изоляции я пробыл до 9 января. А 10 января уехал в Чечню по собственному желанию. Думал воевать с чеченцами, а воевать-то придется с ломтей. Ну и все, больше мне писать нечего. Я вас очень всех люблю и очень крепко целую. А скучаю так, даже слов нет, одни слезы. Я уже даже смеяться здесь разучился по-настоящему, не говоря уж о том, как правильно разговаривать. Все, жду, когда военные действия начнутся.

Очень крепко всех целую и не забывайте меня, и никуда не обращайтесь. Здесь убивают редко. А меня и подавно не убьют. Меня учили выживать.»

В ЭТОМ ПИСЬМЕ много можно прочитать между строк. Попав из относительно благополучной атмосферы «учебки» в воинскую часть, Слава сразу столкнулся с махровой дедовщиной. Но страх, а хорошо развитое чувство человеческого достоинства, самоуважение заставляют его (после того как, наверняка в неравной драке, его жестоко избили) бежать. Даже для командира роты Слава не стал обычным дезертиром — «беглым», которого не уважают. Он понял, что для этого на

«УВАЖАЕМЫЕ ВАСИЛИЙ КОНДРАТЬЕВИЧ и ГАЛИНА ГАБДРАШЕВНА!

С прискорбием сообщаем Вам, что при исполнении служебных обязанностей во время охраны и обороны поста в боевом охранении, охраняя спокойный сон и жизнь своих боевых товарищей, 6 февраля 1996 года в 3 часа утра геройски погиб Ваш сын СВЯТОСЛАВ. Примите наши соболезнования.

Младший сержант ПЕРСИДСКИЙ Святослав Васильевич прибыл в войсковую часть 74218 в г. Грозный из учебного подразделения. За короткое время, которое он у нас был, мы увидели, что он с усердием, добросовестно относится к исполнению своего воинского и конституционного долга гражданина Российской Федерации. СВЯТОСЛАВ зарекомендовал себя с очень хорошей стороны, зная вверенное ему оружие, с большой ответственностью относился к выполнению возложенных обязанностей и поставленных задач, не допускал нарушений воинской дисциплины. За это пользовался авторитетом у командиров и уважением у сослуживцев.

Глубокой ночью, под покровом темноты, дудаевские боевики незаметно подошли к расположению роты. СВЯТОСЛАВ службу нес бдительно. Завязался бой. В этом бою, защищая жизнь своих товарищей, проявив мужество и отвагу, младший сержант ПЕРСИДСКИЙ С. В. геройски погиб как верный сын своего Отечества и народа. Вечная память о младшем сержанте ПЕРСИДСКОМ С. В. навсегда сохранится в памяти личного состава подразделения.

Командир роты,
ст. лейтенант
(ПЕЛИН)

Зам. командира роты по воспитательной работе,
ст. лейтенант
(КАМАЕВ)»

Святослав Персидский закончил свой земной путь. Он родился, чтобы в 19,5 лет умереть, выполняя Долг — Долг мужчины, Солдата, Человека. Он сохранил свою душу чистой и свободной, не дал надругаться над ней.

На немногих предармейских фотографиях Слава похож на красивого олененка — стройный, длинноногий, с высокой шеей, с раскосыми грустными глазами.

Таким он и запомнился родным, близким, друзьям и просто знакомым. Таким он навсегда и останется в их памяти.